

Ночь была черна, словно густая тушь, а россыпь звезд, подобно драгоценным камням, вкрапленным в это полотно, превращала небо в таинственную и манящую картину, полную особого очарования.

Сегодня в усадьбе Цзюнь царило необычайное оживление: всюду горели фонари, звучал смех. Оказалось, что чета Вэй Чанцзэ и Цансэ, проезжая через Илин, специально заглянула в усадьбу, чтобы навестить человека, которого Цансэ когда-то поставила на ноги.

На семейном пиру Цзюнь И с супругой принимали Вэй Чанцзэ и Цансэ, желая отблагодарить их за спасение жизни их приемного сына Мо Жаня, поэтому присутствие последнего было обязательным. Разумеется, и сам Мо Жань испытывал глубочайшую признательность к Цансэ за свое чудесное исцеление. Что же касается ночного визита Хуай Ли в усадьбу — обернется ли он благом или бедой, предугадать было невозможно.

Когда пир подошел к концу, Цзюнь И с женой настойчиво попросили чету Вэй остаться, и те, не в силах отказать, с радостью согласились, тем более что Цансэ в то время была в положении. Супруги Цзюнь и чета Вэй, сблизившиеся благодаря Мо Жаню, стали словно Бо Я и Цзы Ци — родственными душами, которые каждые полгода собирались вместе, чтобы обсудить диковинные случаи ночной охоты.

К полуночи все стихло. Лишь стрекот цикад и кваканье лягушек, словно мелодичная ночная песнь, разносились в воздухе. Хуай Ли, подобно ночному коту, бесшумно начал действовать. Удивительно, но он даже не стал облачаться в привычные темные одежды, по-прежнему оставаясь в белоснежном, как снег, халате, полы которого развевались на ветру, придавая ему вид небожителя, спустившегося на землю. В этой крошечной тьме его фигура казалась особенно приметной — словно ярчайшая звезда в ночном небе.

Однако его, похоже, это ничуть не заботило. Походка его была легкой и уверенной, словно весь мир находился под его контролем. Он безмятежно ступал сквозь тьму, будто эта ночь была его личным владением, где ничто не могло преградить ему путь. Хуай Ли, словно легкая бабочка, порхал по усадьбе Цзюнь, чувствуя себя здесь как в собственном саду. Быть может, его техника совершенствования была столь же загадочной, как у призрака, а может, уровень мастерства стражников был ничтожно мал, но никто из них не сумел заметить его присутствия. Тем не менее он осторожно обходил патрули и, подобно тени, пробирался к самому сердцу усадьбы.

Внезапно впереди показались две фигуры — это были Вэй Чанцзэ и Цансэ. Вэй Чанцзэ нахмурился и, пронзив Хуай Ли острым взглядом, глухо спросил:

— Кто вы такой? И зачем среди ночи пробрались в усадьбу Цзюнь?

Хуай Ли вздрогнул, но сохранил невозмутимость. Сложив руки в приветственном жесте, он назвал свое имя:

— Я — Хуай Ли. Пришел сегодня ночью, чтобы убедиться в одном деле.

Чета Вэй переглянулась. Вэй Чанцзэ произнес:

— Так вы и есть тот самый легендарный Яочэнь-цзюнь? Много наслышан о вашей славе!

Цансэ с интересом оглядела его: белые одежды, как снег, лицо прекрасное, словно у небожителя — первое впечатление было весьма приятным. Вглядываясь в его черты и манеру держаться, она подумала про себя: этот человек не похож на злодея. И решила сменить тон на более мягкий.

— Яочэнь-цзюнь, — негромко сказала она, — пробираться сюда под покровом ночи все же не подобает. Каким бы важным ни было ваше дело, подобные поступки нарушают правила приличия. К тому же, как человек, идущий путем совершенствования, вы должны лучше других понимать важность этикета и моральных норм.

Услышав это, Хуай Ли напрягся. Он полагал, что в усадьбе Цзюнь не окажется серьезных противников, и не ожидал встретить здесь столь искусных мастеров. Он досадовал на себя: если бы знал, что здесь такие люди, ни за что не рискнул бы прийти. Тем временем шум привлек внимание остальных: Цзюнь И с женой, услышав голоса, привели своего приемного сына Мо Жаня. Увидев, что Хуай Ли не вступил в схватку с четой Вэй, они знаком велели остальным стражникам отступить.

Хуай Ли стоял, не зная, что ответить, когда раздался голос Мо Жаня:

— Господин Вэй, госпожа Цансэ, что случилось?

Он подошел ближе и, заметив Хуай Ли, слегка замер.

— Этот Яочэнь-цзюнь проник в усадьбу, говорит, хочет кое-что проверить, — пояснил Вэй Чанцзэ.

Мо Жань внимательно посмотрел на гостя и, несмотря на сомнения, предложил:

— Возможно, у господина Яочэнь-цзюня есть на то веские причины. Давайте пройдем в дом и побеседуем спокойно.

Хуай Ли не ожидал такого приема, и Мо Жань вызвал у него еще больше симпатии. Войдя в комнату, Хуай Ли перевел дыхание и сказал:

— Не стану скрывать: я прослышал, что приемный сын семьи Цзюнь, Мо Жань, обладает некой особенностью, и решил прийти и убедиться в этом лично.

Мо Жань приподнял бровь:

— О? И какая же особенность, по-вашему, заслужила внимание самого Яочэнь-цзюня?

Хуай Ли пристально посмотрел на него:

— Я чувствую, что от вас исходит необычная аура, связанная с тем, что я давно ищу.

Все присутствующие с удивлением посмотрели на Мо Жаня, который и сам был озадачен. Так началась история, полная загадок, связанных с истинной природой Мо Жаня.

Мо Жань, чье настоящее имя было Бэйтан Мо Жань, был Повелителем созвездия Водолея. Ясные глаза, словно наполненные тушью, и отрешенная от мира красота. Он прибыл из государства Хуандао, где был князем из рода Бэйтан. Обладая холодным и отстраненным нравом, он получил прозвище Ледяной красавец. У него был дар предвидения, и по воле покойного императора он управлял войсками и помогал в правлении, пока не сложил полномочия после того, как Бэйтан И вернул себе власть. Будучи Повелителем Водолея и дядей императора Бэйтана И, он носил титул князя Чэнь, фактически держа в руках военную власть. Внешне мягкий и скромный, рассудительный и внимательный, на деле он был умен, решителен, жесток, когда того требовали обстоятельства, и сочетал в себе как дар стратега, так и скрытую нежность.

В государстве Хуандао разразилась страшная беда. Ходячие мертвецы распространились, словно чума: они утратили разум и лишь безумно нападали на людей. Бэйтан Мо Жань встал на защиту и вступил в смертельную схватку с ними. Он не отступал, до последнего пытаясь сдерживать натиск, но мертвецов было слишком много. В конце концов, Бэйтан Мо Жань вместе с ними сорвался в бездонную тьму, разделив их участь.

Когда он вновь открыл глаза, то с изумлением обнаружил, что жив. Он оказался в чужом мире, где все было совершенно иначе, чем в знакомом ему государстве Хуандао. Потерянный и беспомощный, не понимая, как здесь очутился, он по счастливой случайности встретил чету Цзюнь и чету Вэй.

Они отнеслись к нему с поразительной добротой. Обнаружив тяжелораненого юношу, они без колебаний принесли его в усадьбу и окружили заботой. Супруги Цзюнь пригласили чету Вэй, светил медицины, которые приложили все усилия, чтобы поставить Мо Жаня на ноги.

Во время выздоровления Мо Жань сблизился с Цзюнь И и его женой. Их искренняя забота о его быте и душевные беседы подарили ему ощущение домашнего тепла. От них он узнал об обычаях, традициях и расстановке сил в этом мире. Для него, пришельца, эти знания были бесценны. Примечательно, что его способности не исчезли, но из-за различий в системах совершенствования не могли проявиться в полной мере. К счастью, после того как Цансэ дала ему несколько советов, он понял, что местная практика не противоречит его силе, а, напротив, может дополнять ее.

Теперь Мо Жань, словно совершив путешествие сквозь время, оказался в этом месте. Удивительно, но он не только попал сюда, но и помолодел на несколько лет — ему стало около пятнадцати-шестнадцати, а внешность стала просто ослепительной. Однако, несмотря на юный возраст, аура, исходившая от него, ничуть не уступала той, что была в прошлой жизни.

Сейчас Мо Жань был совсем молод, и именно тогда Цзюнь И с супругой усыновили его. Столкнувшись с такой внезапной добротой, он не стал отказываться. В конце концов, он был здесь совершенно одинок, без крова над головой. В таком безвыходном положении поступок супругов Цзюнь был подобен подношению угля в снежную бурю. Он стремился познать этот

новый мир, и стать их приемным сыном было лучшим шансом для этого. Этот выбор не только обеспечил ему надежный приют, но и помог быстрее влиться в чужую среду.

Хуай Ли выглядел так, будто время забыло о нем, застыв на отметке семнадцати-восемнадцати лет. Он был прекрасен, словно ожившая картина, окутанная дымкой бессмертия. Однако это была лишь внешняя оболочка — на самом деле его истинный возраст насчитывал сотни лет! Супруги Цзюнь и чета Вэй выглядели как цветущие люди лет тридцати, чья красота была бесподобна.

В этом и заключалось чудо совершенствования. В Мире совершенствующихся люди могли замедлить старение и даже достичь бессмертия. Говорили, что здесь не бывает некрасивых людей: достигнув определенного уровня мастерства, каждый получал шанс на изменение облика. Процесс этот позволял сделать внешность совершенной и утонченной, воплощая любые идеалы. Поэтому все небожители казались существами, сошедшими с небес.

Еще до того, как Хуай Ли переступил порог усадьбы, образ его уже начал возникать в сознании Мо Жаня — туманный, загадочный, скрытый пеленой, но при этом пугающе реальный. Это странное чувство пробудило в Мо Жане любопытство. Он задумался, что означает это видение, и после долгих размышлений понял: этот человек неразрывно связан с его судьбой. Это была не просто фантазия, а глубокое предчувствие. Мо Жань доверял своей интуиции и чувствовал, что появление Хуай Ли — не случайность, а предопределение.

Поэтому, когда Хуай Ли действительно появился в усадьбе, Мо Жань без колебаний пригласил его в гостиную для беседы. Это не было порывом — это было взвешенное решение. Если бы не его дар предвидения, он ни за что не стал бы так легко предлагать подобное.

<http://bllate.org/book/20051/1982095>